

Живет в Риге (Латвия). Визитная карточка участника.

Старая пластинка

моему отцу, Аркадию Астрову

Из тесноты затвора, из скорлупы винила
голос переливался спасительным эликсиром
в сердце. Найдя опору в звуке – пока вполсилы,
стих-неслух взбирался в гору, над пропастью балансируя.

...Зал филармонии. Помню: ты обживаешь сцену,
и над пустыми креслами – голос родной, бесценный.
Голос парил над залом – вперегонки со вдохом –
над развороченным бытом, над уходящей эпохой.

Чтец репетировал. Много
слушал себя и снова –
под метрономом Бога

встраивал голос – в слово.
Слово, суровый Логос –
словно живое пламя.

...И внутривенно – голос,
коль разболится память.

Старинные часы

Деда звали пан Паул, он живет в семейном архиве.
Вот на фото красавец-поляк в охотничьем облачении.
Мне сказали, что в этом костюме он явился к дверям призывпункта.
Смех и грех: нет, ты глянь на паночка – на охотника-добровольца.

Невозможно узнать то место, где безвестно пропал пан Паул.
Он был ранен, он очень устал, он страдал плоскостопием.
Он часы свои снял, земляку-пехотинцу их отдал.
И свой адрес в придачу – на пустой папиросной пачке.

Тот солдат уцелел и сберёг часы Паула, привёз их его вдове.
А она подарила их пасынку – моему отцу. Он носил их годами.
Помню: брал меня на руки папа, и часы на его запястье.
Довоенные часики – крышка пузатая, трещинка на стекле...

Они долго лежали в коробке, на антресолях памяти –
по соседству с наградами и обручальными кольцами.
Но однажды в канун такого-то Нового года, перед началом салюта,
часы Паула вдруг ожили в руках его правнука Павла.

Он прижал их к щеке – часы отогрелись, затикали.
Это вновь потекло не спеша наше семейное время...
Так непросто предвидеть чудо, когда же случится оно –
когда вновь заведутся часы, оживая в руках потомков.

Окно

«Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!»
Марина Цветаева

Чьи-то плечи ночные
словно высветлил снег –
это руки его
прилетели на свет,

на маяк белизны и тепла.
Перспектива окна –
декорация сна,
будто бархат глубокий
иль шкура медведя.
Я иду по канату –
по лучику-следу,
проникаю в ваш сон,
воспев невоспитанность.
Я краду ваш ночлег,
вашу нежную истину,
белоснежные плечи
в оконном проёме.
Мне становится легче
в этой стуже бездомной
без тебя,
мой любимый.
Приезжай,
обними меня.
Мы нарушим пророчества,
что прицелились точечно
одиночеством ночи.